

В. Я. Петрухин (Москва)

О БАЛКАНСКИХ МОТИВАХ В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ И МИНИАТЮРЕ (2): НАВЬЕ КОЛО

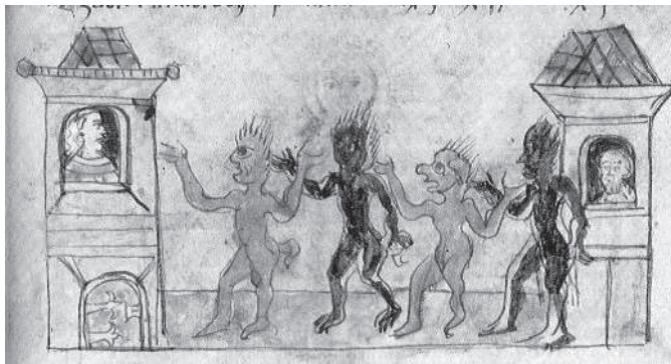
Статья продолжает исследование древнерусских иллюстраций летописного рассказа 1092 г. об эпидемии в Полоцке: миниатюра Радзивилловской летописи (л. 124: илл. 1; Петрухин 2015a), иллюстрирующая сообщение о появлении *днем* невидимых конных демонов, навий — носителей болезни, оставляющих отпечатки копыт на теле, напоминает о балканских *тодорцах* и схожих персонажах европейского (и даже *евразийского*) фольклора, наделенных конскими атрибутами («соседних» калушар и т. п. — Ginzburg 1991: 191; Агапкина 1999; Петрухин 2015). Замечу, что атрибутом самого св. Тодора был *белый конь*, как у демонов на миниатюре: сопровождающие Тодора мертвецы-оборотни являлись из преисподней и боялись дневного света (Цивьян 1999: 346). Это напрямую противоречит сюжету миниатюры — над демоническими всадниками светит солнце.

Илл. 1. Радзивилловская летопись (л. 124, низ).

В балканской традиции ряженые, иногда вооруженные мечами (палками — деревянными саблями: Арнаудов 1972: 154), как всадники на миниатюре, исполняли танцы, взявшись за руки, на Троицу — русальную неделю; нельзя было нарушать хоровод — расцепляться (Веселовский 1885: 2, 9–10). Все эти «игрища» были связаны с поминовением мертвых (в том числе в Тодоровскую субботу — на «лошадиную пасху»): ср. Веселовский 1885; КОО: 282, 299–300; Агапкина 1999; Kajkowski 2014: 156–157), выпечением хлеба в виде конских копыт и т. п. (КОО: 282; Агапкина 1999: 148).

На предшествующей миниатюре, в соответствии с летописным повествованием, представлен *ночной* «хоровод» (хоро/коло) бесов, где бесы шествуют, *не* сцепившись руками. «Бываше в ночи тутънь, станяше по улице, яко челоуѣци ришуци бѣси. Аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвень будяше невидимо от бѣсов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромъ» (ПВЛ: 91). Ночные навьи были видимы полочанами, но выходившие из домов погибали от болезни; известны при этом балканские запреты покидать дом в день св. Тодора, даже зажигать свет в окнах (КОО: 299; Агапкина 1999: 147; Цивьян 1999: 346). На миниатюрах полочане изображены вышедшими из домов *днем*: они разглядывают демонических всадников; на ночных навий они смотрят из окон (илл. 2): ср. формулировку Т. В. Цивьян о «прорыве иного мира через окно» в балканской модели мира (Цивьян 1999: 330–337; ср. в общеславянской традиции — СД III: 534–539).

Илл. 2. Радзивилловская летопись (л. 124, верх).

Илл. 3. Радзивилловская летопись (л. 6 об.).

О. В. Белова обратила мое внимание на то, что на «ночной» миниатюре изображено не просто *навье*, а *навье коло, коло за мртве*, известное на Балканах (ср. Толстой 1995: 160; Ристески 2000; Агапкина 2011: 64–66). По миниатюре трудно сказать, движется ли коло навий в направлении, обратном принятому у живых, как в обрядовых танцах Македонии (Ристески 2000: 134–135): существенно, что македонские обычаи призваны были обратным ходом «затанцевать» эпидемию, вызванную нечистой силой.

На миниатюре позы бесовских навий (с поднятыми руками) выразительны и, на первый взгляд, соответствуют бесовским позам на других миниатюрах (л. 100 об.)¹. Бесы на приведенных миниатюрах различаются

¹ Схожая поза характеризует и различных персонажей летописи: с поднятыми вверх и разведенными руками изображается Святополк Окаянный, в том числе в издающей смрад могиле (л. 82 об.), однако сближение его с бесами (навями) было бы ошибочным — в такой позе изображен сам Владимир Святославич в крещальной купели (л. 62 об.).

Илл. 4. Похороны грешника. Из старообрядческого Сборника XVIII в.: Антонов, Майзульс 2013: 84, рис. 13.

по цвету — чередующимся светлomu (охра) и темному: Вяч. Вс. Иванов подчеркивал значимость этого различия в традициях древнерусского искусства (Иванов 1976: 278–279), но в отношении бесов оно имело значение множественности бесовских обличий (Антонов, Майзульс 2013: 25, 46, 82, 94 и др.). Характерны вместе с тем распространенные в Центральной Европе (славянском и австрийском ареалах) представления о *белых конях* — выходцах с того света: они оставляли отпечатки копыт (роняли подковы или не оставляли следов вообще, как загробная дружина св. Вацлава, если верить не вполне верифицируемым записям Й. В. Громанна — Громанн 2014: 27–30, 63).

Эти мотивы «объединяют» балканский ареал с восточноевропейским.

Танец *живых* содержит миниатюра Радзивиловской летописи, иллюстрирующая брачные «бесовские» игрища славян-язычников (л. 6 об., илл. 3), где партнерша отплясывает, спустя рукава; в руках у основного партнера — палка, которой он ударяет в бубен (барабан — ср. изображение беса «ударника», илл. 4; из старообрядческого Сборника XVIII в.: Антонов, Майзульс 2013: 84, рис. 13).

Балканский археологический материал позволяет усматривать отражение обычая *коло за мртве* в композиции на средневековом саркофаге из южной Далмации (Bihalji-Merin, Venac 1962, Pl. 14, илл. 5). Регистры, относящиеся к миру земному (с оленями) и миру небесному (с птицами),

напоминают о более известной в славянской археологии ярусной композиции, включающей *коло*. Это знаменитый Збручский идол, на котором пьедестал с четырехликим божеством окружает хоровод из двух мужских и двух женских фигур: это коло, очевидно, воплощает земной — человеческий мир. Танцы-хороводы окружали почитаемый объект во время календарных обрядов (Агапкина 2011: 58–59)². Изобразительные аналогии хороводу на идоле из Збруча давно указаны археологами, в частности в орнаменте на венчиках славянской посуды (ср. Гейштор 2014: 196; Kajkowsky 2014: 150–152). Впрочем, «орнаментальный» мотив хоровода едва ли не универсален, во всяком случае имеет евразийское распространение, если учесть знаменитые Ленские писаницы, где схематический хоровод сочетается с конскими сюжетами (илл. 6)³, в том числе битвой небесных всадников: солнце, освещающее битву,

Илл. 5. *Коло за мртве* на средневековом саркофаге из южной Далмации (Bihalji-Merin, Benac 1962, Plate 14).

² Центральные персонажи календарных игрищ, вроде Масленицы или Карнавала, подлежали уничтожению (сожжению, утоплению) по завершении праздника; иногда с таким завершением сравнивают судьбу Збручского идола, оказавшегося в реке Збруч, и даже киевского Перуна, низвергнутого в Днепр Владимиром при крещении Руси: игнорируется при этом монументальный характер самой скульптуры, не предназначенной для регулярного уничтожения.

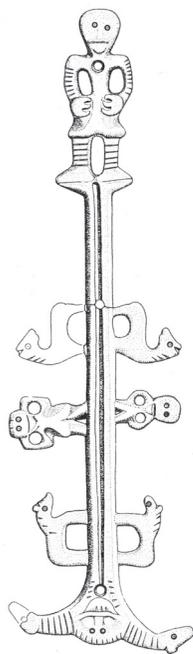
³ Не менее знамениты композиции со скал Кобыстана (Азербайджан), где лошадей «заменяют» другие копытные — быки (см. Формозов 1969: 32–43; ср. с. 239 — «хоровод» лучников из южной Родезии и др.). Ср. также центральноазиатские мотивы хоровода: Шер 1980: 117, рис. 45.

Илл. 6. Ленская писаница (Дэвлет 2005: 20, рис. 16: ср. рис. 21. 31, вклейка 32).

напоминает о сюжете древнерусской миниатюры (ср. Петрухин 1999)⁴. Следует сразу отметить, что композиция на скалах Лены явно разновременная, датируется в пределах от палеолита (!) до железного века, эпохи «всадничества» (см. Дэвлет 2005: 19 и сл.).

В собственно славянском материале, не менее тиражируемом, чем Збручский идол, изделием стала накладка ножен ножа из Старигарда (вагры), обнаруженная И. Габриэлем. «Навершием» накладки представляется подобоченившаяся фигура, поза которой напоминает позы известных в славянском и скандинавском мире антропоморфных мужских образов: к приведенным Габриэлем (Gabriel 1988: 185–187; Abb. 31, 5–6; 33, 5–6, илл. 7) можно добавить известные «мартыновские» фигурки, композиционно связанные с симметричными фигурками коней. Последнее немаловажно, ибо на накладке антропоморфные персонажи также композиционно связаны с симметричными коньками: по сторонам накладки симметрично помещены меньшие

Илл. 7. Накладка на ножны (Петрухин 2015: 135).

⁴ См. также о евразийском сюжете битвы: Ginzburg 1991.

по размеру антропоморфные фигурки, одна из которых повторяет подбоченившуюся позу «навершия», другой придана поза «оранты»/адорации (известная синхронным антропоморфным женским образам из Дании, Лейре и Польши, Кальдус, см. Петрухин 2015; Chudziak 2003: 123, Rys. 6c); «низ» накладки завершает маска, фланкированная конскими протонами.

В личине подбоченившейся фигурки Габриэль усматривает пустые глазницы, что в мифологии соотносится с воплощением мира мертвых (Gabriel 1988: 190) — значит, накладка воплощает «модель мира» славянского язычества: одна ее сторона относится к загробному миру, другая к миру живых. Для зрителя, не всматривавшегося в мелкие детали изображения, для чего накладка на ножны явно предназначена не была, демонстративней были позы антропоморфных фигурок: если поза «оранты» действительно характеризует женский персонаж, то перед нами не оппозиция мира живых и мертвых, а не менее характерная для архаических мифологических систем оппозиция мужского и женского начал с позами, присущими рассмотренным на других изображениях «танцорам»⁵. Эти позы, однако, также представляются универсальными в архаическом искусстве (Шер 1980: 32).

Напомню вместе с тем, что и на рассматриваемой накладке на ножны «танец» здесь, как и на Збручском идоле, связан с «лошадиной» темой. Замечу напоследок, что конская тема оказывается «сквозной» для славянских древностей вообще (Иванов, Топоров 1974; СД II: 590–594).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина 1999 — *Агапкина Т. А.* О тодорцах, русалках и прочих навях (мертвецы-демоны и «нечистые» покойники в весеннем календаре славянских народов) // *Studia mythologica Slavica* 2, 1999. С. 145–160.
- Агапкина 2011 — *Агапкина Т. А.* Символика и обрядовые функции танца и хорова в традиционной культуре славян // *Славяноведение* 2, 2011. С. 56–70.

---

⁵ См. о космологической символике танца на Балканах: Цивьян 1999: 44, 143; о сакральной символике хорова в античной традиции — Лосев 1972.

- Антонов, Майзульс 2013 — *Антонов Д., Майзульс М.* Анатомия ада: путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М., 2013.
- Арнаулов 1972 — *Арнаулов М.* Студии върху българските обреди и легенди. Т. 2. София, 1972.
- Веселовский 1885 — *Веселовский А. Н.* Генварские русалии и готские игры в Византии // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Т. ССХLI. С. 1–18.
- Гейштор 2014 — *Гейштор А.* Мифология славян / Пер. с польск. А. Шпирта. М., 2014.
- Громанн 2014 — Предания языческой старины западных славян / Автор-сост. Й. В. Громанн / Пер. Волхв Богумил. М., 2014.
- Дэвлет 2005 — *Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005.
- Иванов 1976 — *Иванов Вяч. Вс.* Мотивы восточнославянского язычества и их трансформация в русских иконах // И. Е. Данилова (ред.). Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976. С. 268–287.
- Иванов, Топоров 1974 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- КОО — *Токарев С. А.* (ред.) Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977.
- Лосев 1972 — *Лосев А. Ф.* Эстетика хороводов в «Законах» Платона // М. Е. Грабарь-Пассек и др. (ред.) Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 133–152.
- Петрухин 1999 — *Петрухин В. Я.* К истории некоторых изобразительных мотивов в искусстве Евразии: «небесная охота» и поединок героев // Я. А. Шер (ред.). Международная конференция по первобытному искусству: труды. Т. 1. Кемерово, 1999. С. 175–179.
- Петрухин 2015 — *Петрухин В. Я.* К проблеме изобразительных мотивов в славянском язычестве // Российская археология 4, 2015. С. 184–190.
- Петрухин 2015а — *Петрухин В. Я.* О балканских мотивах в русском летописании и миниатюре // М. М. Макарецев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). Балканский тезаурус: Начало. Балканские чтения 13. Тезисы и материалы. М., 2015. С. 162–165.
- ПВЛ — Повесть временных лет / Подг. текста, пер., ст. и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Радзивилловская летопись — М. В. Кукушкина (отв. ред.). Радзивилловская летопись. Факсимильное издание. СПб. — М., 1994.

- Ристески 2000 — *Risteski J.* Посмртно оро во традициите на балканските Словени // *Studia mythologica Slavica* 3, 2000. С. 133–148.
- СД — Этнолингвистический словарь «Славянские древности» / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. М., 1995.
- Формозов 1969 — *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Цивьян 1999 — *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира: исследование по структуре текста. М., 1999.
- Шер 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Bihalji-Merin, Benac 1962 — *Bihalji-Merin J., Benac A.* The Bogomils. London, 1962.
- Chudziak 2003 — *Chudziak W.* Wczesnośredniowieczne «importy» skandynawskie z Kałdusa pod Chełmнем на Pomorzu Wschodnim // *Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. Red. M. Dulnicz. Lublin — Warszawa, 2003. P. 117–131.
- Gabriel 1988 — *Gabriel I.* Hof- und Sakralkultur sowie Gebrauchs- und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard / Oldenburg // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 69, 1988. S. 103–291.
- Ginzburg 1991 — *Ginzburg C.* Ecstasies: Deciphering the Witch Sabbath. Chicago, 1991.
- Kajkowsky 2014 — *Kajkowsky K.* Ritual dance among western Slavs in early middle ages // *Cosmos* 30, 2014. P. 145–165.

V. Ya. Petrukhin (Moscow)

ON THE BALKANIC MOTIFS IN THE RUSSIAN CHRONICLE (2): NAVJE KOLO

ABSTRACT: Miniatures of Radziwiłł Chronicle demonstrate the demonic horsemen and the dance of the dead, defeating the citizens of Polotsk (Primary Russian Chronicle, 1092). The close parallels are known from the South Slavic (Balkan) tradition.

KEY WORDS: chronicles, demonology, dance, miniatures, horse worship

NOTE ON THE AUTHOR: Vladimir Yakovlevich Petrukhin, Doctor of History, chief research fellow in the Department Medieval History, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, professor of the National Research University Higher School of Economics. Email: vladimir.petrukhin@gmail.com

РЕЗЮМЕ: Миниатюры Радзивилловской летописи передают образы конных демонов и хоровод мертвецов (навье), поражающих жителей Полоцка во время эпидемии (Повесть временных лет, 1092 г.). Ближайшие параллели — тодорцы и навье коло — известны у балканских славян.

Ключевые слова: летописание, демонология, хоровод, миниатюры, культ коней

Об авторе: Владимир Яковлевич Петрухин, д. и. н., главный научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН, профессор НИУ ВШЭ. Email: vladimir.petrukhin@gmail.com

ДИСКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА В. Я. ПЕТРУХИНА

Н. Н. Казанский: Как вы относитесь к этимологии, которую поддержал замечательный индолог Борис Леонидович Огибенин в словаре, задуманном как дополнение к словарю Фасмера (Suppl. à: Dictionnaire étymologique de la langue russe / Max Vasmer. L'héritage du lexique indo-européen dans le vocabulaire russe Première série, а-Ящерица. Paris: Institut d'études slaves, 2016)? Б. Л. Огибенин поддерживает идею о связи навий с греческим обозначением корабля *ναῦς* и санскритским *पाण्ड*.

В. Я. Петрухин: Близкую этимологию предлагали Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров. Наверное, так и есть, хотя для меня ладья — специфика морского народа, славяне были от этого далеки. Море — это препятствие для контактов, в то время как, наоборот, всё Средиземноморье и Балтика — это возможность контактов, а не препятствие для них. В славянской традиции такое есть, и представление о том, что надо пересечь речку, чтобы добраться до того света, тоже есть.

Н. Н. Казанский: А есть что-то связанное с ладьей и похоронным ритуалом?

В. Я. Петрухин: В моем материале это признак скандинавской традиции. У славян не встречал, чтобы колоду воспринимали как лодку. Но могли воспринимать. Домовину, говоря по-славянски, могли воспринимать как лодку, но это то, что должно остаться здесь, на месте.